

Дуань Цичи не стал продолжать свои бесчинства. Он отпустил Цзи Сюэмяня и с невероятной тщательностью поправил на нем одежду.

Цзи Сюэмянь не проронил ни слова и, развернувшись, направился прочь.

Проводив его взглядом, Дуань Цичи перестал улыбаться. Опустив длинные ресницы, он развязал путы на руках наемного убийцы.

Тот смотрел на него с недоверием. Регент, что это значит?

Дуань Цичи неторопливо произнес: Вернувшись, держи язык за зубами. Я не хочу слышать ни единого дурного слова о Главном секретаре. В противном случае — береги свой язык.

Убийца на мгновение замер, но в конце концов, подавив гнев, молча удалился.

Дуань Цичи смотрел ему вслед, и Линь Юань, даже не дожидаясь приказа, бросился в погоню.

Цзи Сюэмянь всю дорогу пребывал в смятении. После нескольких дней общения с Дуань Цичи у него сложилось о нем совершенно иное мнение.

Он безумен, но, кажется, в глубине души все еще остается прежним Дуань Цичи. И то, что он говорил только что, возможно, было смесью правды и лжи.

Цзи Сюэмянь не мог понять его до конца: он убил одного наемника, но оставил в живых другого — очевидно, желая склонить того на свою сторону и заставить работать на себя.

Чем же на самом деле Дуань Цичи занимался в Наньцзяне?

Вернувшись в лагерь, Цзи Сюэмянь обнаружил лишь Лань Шэнь, который по-прежнему стоял на посту.

Увидев, что господин вернулся невредимым, Лань Шэнь немного успокоился. Он неотступно следил за перемещениями Цзи Сюэмяня и, если бы тот не вернулся сейчас, уже собирался отправиться на поиски. Заметив, что господин о чем-то глубоко задумался, Лань Шэнь предпочел остаться в тени, решив его не беспокоить.

Три дня подряд Цзи Сюэмянь не притрагивался к еде и не выходил из шатра. Лань Шэнь, наблюдавший за ним все это время, не мог не тревожиться.

В лагере регента солдат кормили чем придется: они ловили в горах диких кроликов, выуживали рыбу из реки — что удавалось добыть, то и шло в котел. На кухне как раз готовили

обед, и Лань Шэнь, отрезав кроличью ножку, решил отнести ее господину. Он твердо вознамерился убедить его поесть хоть немного, лишь бы тот не довел себя до истощения.

Он вспомнил, как в Столице господин Цзи постоянно забывал о еде из-за множества забот, из-за чего страдал от болей в животе. В походных условиях, без придворного лекаря, который мог бы выписать рецепт, это ни к чему хорошему не привело бы.

Подойдя к входу в шатер, он столкнулся с солдатом, который держал в руках небольшой котелок с фарфоровой крышкой и собирался доложить о своем приходе Цзи Сюэмяню.

Лань Шэнь подошел, приподнял крышку: оттуда шел густой пар, на поверхности бульона плавала белая пена, но пахло блюдо на удивление ароматно и приятно.

Что это? — спросил Лань Шэнь.

Солдат ответил: Это целебный отвар, который на кухне специально приготовили для господина Цзи. А что еще в нем — я не знаю.

Лань Шэнь не был уверен в безопасности, поэтому достал серебряную заколку и проверил еду. Подождав некоторое время и убедившись, что яда нет, он взял котелок. Можешь идти, я сам отнесу.

Он приподнял полог шатра и, как и ожидал, увидел господина за столом. Перед ним лежала знакомая стопка бумаг — он делал пометки в докладе, с которым не мог разобраться император.

Лань Шэнь налил порцию в чашу и поставил перед ним. Господин, поешьте чего-нибудь.

Цзи Сюэмянь поднял взгляд и молча посмотрел на угощение. Что это?

Кухонные повара сварили, это целебный суп для укрепления организма. Я проверил, яда нет, можете пить спокойно, — ответил Лань Шэнь. Затем он протянул кроличью ножку: И вот, кролик. Очень питательно, полезно для здоровья. Съешьте, пожалуйста.

У Цзи Сюэмяня не было аппетита, но он не мог отказать Лань Шэню в его заботе. Суп я выпью, а ножку заberi.

Лань Шэнь попытался было поспорить, но, потерпев поражение, смирился. Он следил, пока Цзи Сюэмянь не допил суп до последней капли, и лишь тогда, неохотно, унес котелок прочь.

Наступила ночь. В лагере воцарилась тишина, и только из шатра Цзи Сюэмяня доносились шорохи — он ворочался, не в силах уснуть.

Цзи Сюэмянь не мог найти покоя: его тело горело. Преодолевая недомогание, он просмотрел еще несколько бумаг, но, взяв кисть, не смог написать ни строчки — мысли путались. Ему пришлось откинуться на спинку деревянного кресла и устало прикрыть глаза.

Учеба Его Величества требует большего усердия. Он еще совсем дитя, все твердит о наставнике, капризничает, льнет к нему... Когда же он сможет взять на себя бремя ответственности?

Пока он предавался тревожным думам, полог шатра шевельнулся от прохладного порыва ветра, и Цзи Сюэмянь сразу понял, кто снова пришел его беспокоить.

Он поднялся и отвесил поклон. Прошу прощения, Ваше Высочество, но я нездоров. Если есть дела, давайте обсудим их завтра.

Дуань Цичи не стал слушать. Приподняв полы одежды, он невозмутимо сел, поставил принесенные с собой закуски на табурет и раскрыл сверток — чего там только не было.

Он взял печенье и, казалось, пребывая в отличном расположении духа, с улыбкой спросил: Сюэмянь, будешь?

Цзи Сюэмянь отказался: Благодарю за милость, но я больше не могу есть.

Дуань Цичи не стал настаивать и положил угощение обратно. Он развернул скомканный лист бумаги, который выбросил Цзи Сюэмянь, и, даже не взглянув на него, принялся тщательно стряхивать крошки с пальцев.

Цзи Сюэмянь мельком глянул на лист: там были записаны предложения по укреплению дамб, исписанные лишь наполовину.

Очистив руки, Дуань Цичи внезапно обхватил Цзи Сюэмяня за талию и притянул к себе.

Цзи Сюэмянь глубоко вздохнул. Ваше Высочество, что вы опять задумали?

Он отодвинул в сторону подставку для кистей, тушечницу и незаконченный доклад, чтобы случайно не смахнуть их, если начнется потасовка.

Они оказались совсем близко. Дуань Цичи, нахмурившись, склонился к самому его уху, принялся и спросил: Этот отвар оказался бесполезен?

Цзи Сюэмянь не сразу понял, о чем речь. Какой отвар?

Увидев его недоумение, Дуань Цичи вдруг радостно усмехнулся: Тот самый, целебный. Разве тебе никто не говорил?

Цзи Сюэмянь, вынужденный сидеть у него на коленях, нахмурился. Дуань Цичи продолжил: Похоже, он все-таки действует. Мне кажется, я чувствую аромат... еще более притягательный, чем в ту ночь.

В чем заключается действие этого отвара? — Цзи Сюэмянь заглянул ему в глаза, не понимая, притворяется тот безумным или на самом деле потерял рассудок.

Дуань Цичи загадочно улыбнулся: Угадай.

Я не так умен, чтобы догадаться. — Цзи Сюэмянь попытался встать.

Дуань Цичи крепко сжал его талию, надавив на уязвимую точку, отчего человек с холодным лицом невольно согнулся, а губы регента растянулись в улыбке. Не смей уходить.

Цзи Сюэмянь беспомощно закрыл глаза. Если Ваше Высочество не желает объяснять — пусть будет так. Но раз этот суп варили специально для меня, благодарю за вашу доброту. Как я могу принять такой дар?

Он попытался отстраниться, но Дуань Цичи не позволил ему уйти. Ничего особенного. Я слышал, ты постоянно болеешь, вот и решил приказать позаботиться о твоём здоровье, добавив в отвар несколько особых специй.

Цзи Сюэмяню оставалось лишь вздохнуть. Я уже не молод, мой организм ослаб, и недуги неизбежны. Зачем же Ваше Высочество так беспокоитесь?

Мы с тобой одного возраста, как же можно говорить, что ты уже не молод? — Дуань Цичи сменил тон. — К тому же, как я могу не беспокоиться? Сюэмянь, ты правда не понимаешь или притворяешься?

Сердце Цзи Сюэмяня бешено заколотилось, но он заставил себя сохранять спокойствие. Прошу, оставьте меня. Я не собираюсь ни жениться, ни отдавать свое сердце кому-либо. Если Ваше Высочество жаждет любви, найдите ту, кто искренне вами восхищается.

Дуань Цичи не сводил с него глаз, словно видел это лицо впервые за сотни лет.

Лицо Цзи Сюэмяня, расцветшее подобно весеннему цветку, было исполнено строгой красоты, а в его ясных, холодных глазах светилось нечто, что невозможно описать словами, — и это пронзало сердце Дуань Цичи.

С самого детства Цзи Сюэмянь был таким: прятал свои истинные мысли, притворяясь равнодушным. Дуань Цичи внезапно разозлился на эту его сдержанность. С тех пор как Сюэмянь стал Главным секретарем и Императорским Наставником, он относился к нему с ледяным холодом. А ведь в детстве он сам тянулся к нему, изо всех сил пытаясь вытащить его из бездонной трясины.

Он ущипнул Цзи Сюэмяня за щеку и, как и ожидалось, в ответ получил лишь хмурый взгляд. Дуань Цичи, словно назло, принялся бесцеремонно мять его щеки — кожа на этом лице, по которому он тосковал несколько лет, оказалась куда мягче, чем казалось.

Проверив его реакцию несколько раз, он понял, что Цзи Сюэмянь чувствует себя крайне неловко, и окончательно убедился: все эти рассказы о посещении борделей — полная чушь.

Он улыбнулся: Господин Секретарь — поистине редкий человек. Даже за руки никого не держали, так зачем же врать, что часто бываете в увеселительных заведениях?

Цзи Сюэмянь, изнемогая от его напора, почувствовал, как глаза наполнились слезами. Ты ведь уже и сам все понял?

Потому что ты — гэр? — Дуань Цичи внезапно увидел слезы в его глазах, и внутри словно вспыхнул огонь. Он хрипло прошептал: Я же говорил: каким бы ты ни был, я тебя люблю. И я знаю, что ты не готов, поэтому не буду тебя принуждать.

Цзи Сюэмянь лишился дара речи. Самовлюбленность этого человека раздражала, а поведение было совершенно дерзким.

В Столице для богатых наследников было обычным делом развлекаться с юными гэрами. Содержали ли они их или захаживали время от времени — пока было достаточно денег, никто не осуждал, а когда приходило время, их просто выдавали замуж, превращая все в мимолетное приключение. Но никто из облеченных властью не смел посягнуть на Главного секретаря, пусть даже тот был гэром.

Цзи Сюэмянь не мог с этим смириться. Ваше Высочество должны знать, что между монархом и подданным есть границы. Вы попираете нормы приличий.

Дуань Цичи прекрасно понимал, что пути назад нет, но стоило ему вспомнить, что перед ним Цзи Сюэмянь, как ему хотелось вопреки всему сделать его своим. Но он жалел его. Он не мог так поступить.

Цзи Сюэмянь не был мягким ни душой, ни телом, и, даже будучи гэром, заставлял уважать себя. Он был Цзи Сюэмянем — Главным секретарем, чья карьера только началась в разгар ожесточенной борьбы в кабинете министров, доверенным лицом, которому покойный император вверил опеку над наследником. Этот человек облачался в доспехи, чтобы прорываться сквозь осады, но, сбросив чиновничье облачение, никогда не ложился в чужую

постель.

А если я и попираю нормы? — усмехнулся Дуань Цичи. — Я и так уже стал этим самым нечестивым регентом, чего мне теперь бояться?

Цзи Сюэмянь, поняв, что желаемого ответа не добьется, решил уйти. Но Дуань Цичи не отпускал его. Оба привыкли поступать по-своему, и никто не хотел уступать — они схватились в борьбе.

Дуань Цичи получил несколько ударов по плечу, но, увидев в глазах Цзи Сюэмяня растерянность, внезапно смягчился.

Он перестал сопротивляться и перехватил руки Сюэмяня. Господин Главный секретарь, я знаю, что был слишком резок. — Он вел себя крайне высокомерно, с нескрываемой страстью и самоуверенностью, — но я ни о чем не жалею.

Цзи Сюэмянь помедлил и, закрыв глаза, с трудом объяснил: Ваше Высочество с детства привыкли все решать сами. Я просто сказал правду, у меня не было намерения вас злить.

Дуань Цичи рассмеялся: Сюэмянь, ты такой хороший.

Цзи Сюэмянь не вынес этих слов и попытался встать — на этот раз Дуань Цичи отпустил его.

На столе все еще лежал черновик письма для маленького императора, дописанный лишь наполовину. Цзи Сюэмянь снова сел и взял в руки кисть. Его лицо, освещенное мерцающим пламенем лампы, было сосредоточенным и бесстрастным, но в этой строгости таилась неизъяснимая притягательность.

Дуань Цичи лениво наблюдал за ним. У меня сегодня больше нет дел. Если ты не против, Сюэмянь, можно я останусь и посижу здесь?

Цзи Сюэмянь знал, что тот все равно не послушается, поэтому слегка приподнял брови и посмотрел на него при свете лампы: А если я скажу, что против, Ваше Высочество уйдете?

Дуань Цичи расплылся в улыбке: Нет.

Цзи Сюэмянь сглотнул ком в горле и холодно произнес: Ну вот и ладно. Если уж вы хотите здесь сидеть, то хотя бы молчите и не мешайте мне думать.

Дуань Цичи довольно прищурился. Зная, что Цзи Сюэмянь уже немного оттаял, он посмотрел прямо в его неискренние глаза и по слогам отчеканил: Господин Секретарь, можете обвинять меня в чем угодно — обещаю, я не перебею.

Цзи Сюэмянь бросил на него взгляд, чувствуя полное бессилие.

Так они и провели остаток ночи: Цзи Сюэмянь писал, а Дуань Цичи сидел рядом. Закончив очередной документ, Цзи Сюэмянь вдруг понял, что что-то не так. Его бросило в жар, и ему захотелось выйти на холодный воздух.

Дуань Цичи преградил ему путь. Куда ты?

У Цзи Сюэмяня кружилась голова. Хочу проветриться...

Дуань Цичи цокнул языком: Не боишься заболеть? Если ты сам себя не жалеешь, то я — жалею.

Цзи Сюэмянь покачал головой, намереваясь во что бы то ни стало выйти, но Дуань Цичи подхватил его на руки и уложил на кровать.

После чего добавил: Будь послушным, договорились?

<http://bllate.org/book/21919/2277349>